

но, но речь идет о тенденции, о стремлении, о направлении развития. Это направление уводит в сторону от воз-

О ПУБЛИКОВАННОЕ в «Литературной газете» стихотворение Бориса Слуцкого о поэтах и физиках послужило поводом для многих высказываний на недавней поэтической дискуссии в Ленинграде и явилось предметом ожесточенных нападок многих выступавших. Лев Ошанин в своем докладе повторил те же соображения, которые до того сформулировал в стихах, тоже напечатанных в «Литературной газете».

Мне кажется, и стихотворение Б. Слуцкого, и общее внимание к нему, и множество отрицательных, резких оценок — все это по-своему весьма симптоматично: Слуцкий затронул предмет, о котором многие из нас размышляют с тревогой; он сжато и без околнучностей высказал вслух мысли, тайные или недодуманные другими.

В этом стихотворении говорится об очень большом, видимом любому невооруженному глазу разрыве, существующем в наши дни между искусством и точным знанием. Если физика — да и не только одна физика, а все естествознание в целом — пользуется у нашего общества исключительным вниманием, признанием и почетом, если естествознание с сокрушительной смелостью и размахом прорубает на наших глазах все новые и новые окна в мироздание, атакует небо и штурмует тайные недра материи, то ведь ни одно из произведений современного искусства — ни поэма, ни симфония, ни роман, ни фильм, ни статуя — решительно не может похвалиться такими же ошеломляющими победами. Стихотворение Бориса Слуцкого констатирует этот разрыв, и в констатации современного положения вещей оно правдиво, с подлинным жизненным верно. Слуцкий не анализирует, не ищет объяснений, не заглядывает вперед. В этом сила и слабость его стихов. Но о слабости речь будет впереди.

И право же, возражения Ошанина, сводящиеся к тому примерно, что, дескать, у него есть личные друзья среди физиков, что эти физики не могут обойтись без его, ошанинских, песен, эти ребячливые признания решительно бьют мимо цели, не затрагивают существа дела.

С тех пор как напечатано стихотворение Слуцкого и прозвучала критика в его адрес, время прошло немалое. В условиях общего темпа нашей жизни срок этот представляется еще более значительным. Между тем, существо дела по-прежнему кровно касается всех, для кого наша культура не пустое слово. Я и хочу остановиться на существе дела, — спокойно, без обнаружения личного пристрастия, обиды и похвалы. Только такой разговор достоин нашей любви к своему призванию и гордости за общество, в котором мы живем и работаем.

Как же это произошло?

Как случилось, что в борьбе за лучшее будущее человечества на линии огня очутились представители точного знания, с их логарифмическими таблицами, химическими формулами, электронными информциями, со всей аппаратурой, ими же созданной, — а не мы, служители муз, не мы, поэты, художники, музыканты?

Где мы были, какое рабочее утро мы проспали, на какой смотр не явились? Как в самом деле это произошло?

У всего на свете есть прошлое и есть будущее.

Но прежде всего надо оговорить главное. «Поэзия» и «Физика» в нашем контексте суть дорожные знаки, под которыми подразумевается содержание, более широкое и устойчивое в культуре: искусство и точное знание — два разных метода познания мира. Обычно их трактуют, как диаметрально противоположные методы. Но сама эта противоположность возникла исторически.

Здесь-то и следует вспомнить историю. Вспомним, как начинался гуманизм под полуденным солнцем Возрождения. «Тогда», — говорит Энгельс, — не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества... Леонардо да Винчи был не только великим художником, но и великим математи-

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

ком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики; Альбрехт Дюрер был художником, гравером, скульптором, архитектором и, кроме того, изобрел систему фортификации...» К этим великодушным примерам Энгельса прибавим сына архангельского рыбака, который предугадал атомное строение материи, и он же был автором первых русских гениальных стихов о северном сиянии; прибавим великого немца — автора «Фауста», кроме того, наметившего законы морфологии растений и открывшего межчелюстную кость в человеческом черепе.

Итак, Леонардо да Винчи, Ломоносов, Гете — три убедительных примера гармонического и поэтому беспредельно плодотворного развития человека.

Вот что говорит о них Энгельс: «Люди того времени не стали еще рабами разделения труда, ограничивающего, калечащего действие которого мы так часто наблюдаем на их преемниках». В этом все дело! С той поры, когда жили и творили эти несравненные гении, время прошло немалое. Оно характеризуется чрезвычайно богатым накоплением опыта, знаний, мастерства во всех областях человеческой деятельности, научной, творческой, теоретической, практической, любой другой. Параллельно накоплению шла дифференциация опыта и знаний. Сама культура ветвилась на множество расходящихся потоков, рек, ручьев и ручейков. В культуре возникло новое явление: **специальность!** В этом диалектика развития культуры.

Специалисты, как известно, существуют разные.

Специалист, следующий своему призванию и достигший в нем высокого совершенства, заслуживает всяческого уважения. Но специалист, ограничивший себя своей узкой областью, надевший на глаза шторы и потерявший из виду мир и жизнь, издавна является предметом сатиры. Если специалист первого типа — краса и гордость культуры, то специалист второго типа — древоточек, подрывающий ее корни. Мы очень хорошо знаем, что в западноевропейской культуре специалистов второго типа — тьма-тьмушая. Но чего греха таить, и у нас они имеются!

Зачем говорить о разрыве между физиками и поэтами, когда случается, что и химики не понимают физиков, физиологи — химиков, строители технических конструкций — создателей квантовой механики и так далее. Все это — общеизвестные истины, и все они стоят в одном ряду, теснясь друг и дружке, как частокол, скрывающий от глаз мироздание с его звездным небом, зеленой травой, красным солнцем! Здание культуры напоминает вавилонскую башню, где к смешению всех языков мира, живых и мертвых, можно прибавить многоставные химические формулы, алгебраические уравнения, нотные знаки, радиокоды, дорожные знаки, сигналы флагами, позывные коротковолнников, — попробуй разберись в этой чертовой тарабарщине, если жизни хватит!

Пишущий эти строки — профан во многих областях, выходящих за пределы его призвания (да, да, тот самый специалист, который...), но на старости лет его постоянно гложет тоска о малых пределах его осведомленности, о коротком сроке человеческой жизни. Сколько упущено зря, сколько не прочитано, не увидено своими глазами. Наверно, это знакомо каждому человеку. Это — результат дисгармонии развития современного человека. И я не смею закрыть на нее глаза и не сознаюсь в ней хотя бы перед самим собой.

Ну хорошо, предположим, я поэт, существо, испокон веков считающееся однобоким, односторонним, моя область — мечты, грезы, слезы и прочая чепуха. Но ведь и химик, живущий где-нибудь в доме напротив, не похвалится тем, что пишет симфонию, как Бородин (бывший химиком!). И старый врач из моей районной амбулатории не тчитесь написать «Палату № 6», как Чехов (бывший врачом!). Скажут, что примеры Бородина и Чехова — исключения. Вер-

можностей Бородина и Чехова.

Все мы в этом смысле равны, все одинаково обеднены в клетках своих призваний, профессий, специальностей. И это решающая черта в нашем общественном поведении и в нашей деятельности.

Вернемся к стихотворению Бориса Слуцкого. Как уже сказано, в нем уловлена правда жизни. Оно — точный снимок с нее, снимок моментальный. Если угодно, документальный и вот именно поэтому не до конца достоверный. В искусстве (в противоположность фотографии) достоверно только одно: диалектика развития. Речь идет о точке зрения исторической, о знании прошлого и об умении предвидеть будущее. Пусть поймут меня правильно: здесь нет и тени упрека в адрес Б. Слуцкого, он сделал свое, и сделал талантливо, хотя бы потому, что вызвал людей на спор.

По его следам и начинается этот серьезный разговор, который должен быть продолжен и будет продолжен. Разговор о нашем гуманизме, о тенденции его развития, то есть о синтезе, который снимает антиномию «поэзии» и «физики».

Почти физически ощущая облик нового, коммунистического общества, мы предвидим в нем несравненную возможность для гармонического расцвета человека. Предвидим такое развитие способностей и дарований, когда никакая, самая узкая и изощренная специализация, никакое самоотверженное следование призванию не отнимут у человека ни досуга, ни воли (то есть страсти!) к широкому познанию мира в его общих закономерностях.

Человек будущего предсказан Леонардо, Ломоносовым, Гёте. Это человек, которому математический анализ также не чужд, как симфоническая музыка, палитра с красками — как ток высоко-го напряжения.

Что же это значит применительно к поэзии?

Поскольку речь идет о нашем собственном доме, здесь следует уже в сегодняшнем дне увидеть ростки будущего. Если для поэта нашего времени не звучат музыкой и ритмом текущая вселенная Гераклита и движение меченых атомов в кровеносной системе, — значит, он еще не поэт нашего времени. Если он еще не провел бессонных ночных часов, пытаясь (хотя бы пытаясь, большего не спросишь с него) проникнуть в тайны материи, разгаданные физиками двадцатого века, — значит, он предпочитает плестись в обозе армии, покоряющей природу. Если электронная машина кажется ему громоздким шкафом, в котором неизвестно зачем моргают зеленые вспышки, — значит, он не узнал в лицо покоренного врага и будущего верного друга.

Наше дело и наша обязанность вести читателя за собою в этот еще таинственный для нас самих мир новой гармонии и новой красоты. Для каждого, кто всерьез хочет раздвинуть свой кругозор, результаты снажутся сами собою. Они сами обогатят поэтический язык поколения, наше воображение и ритм.

Но сказанное здесь о поэте обращено и к физикам!

Им тоже следует помнить, что мироздание не ограничено пределами точного знания, не замкнуто в кругу привычных им формул, порядком абстрагирующей жизнь. Девятая симфония Ветховена и «Медный всадник» Пушкина далеко превосходят своей мощью не только самые мощные рефракторы Пулковы, но и космическую ракету.

Правда, физики могут возразить:

— Эх, куда хватили! Кто же сомневается в Ветховене и Пушкине? Вы лучше покажите что-нибудь мало-мальски похожее в современном искусстве!

На это мы ответим, что любое сегодня в любые времена представляется современникам в виде горного потока, в котором преломляется солнечный свет, но не так-то легко отличить в нем великое от малого. Узнавайте, ищите, вчитывайтесь. Может быть, вам и повезет, а вместе с вами и нам.

Но пусть об этом говорят сами физики. Мы ничего не подназываем друг другу.